

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(430.087)+055.2

DOI 10.26456/vthistory/2022.1.060–074

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ СЕМЕЙНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖЕНЩИН ГДР

Д.О. Тюренкова

Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

Статья посвящена одному из ключевых аспектов женской повседневности в Германской Демократической Республике – стратегиям самореализации женщин в браке и материнстве в условиях вовлечения женщин в трудовую деятельность. Исследование основано на анализе источников личного происхождения, опубликованных воспоминаниях женщин. Выявлены факторы, оказывавшие влияние на организацию распорядка дня женщин, выбор ими типа занятости, срок завершения отпуска по уходу за ребенком и т. д. Выявлено воспроизводящееся в воспоминаниях стремление оценить себя как «хорошую»/«плохую» мать, а также возможные причины данной саморепрезентации. Предложен вывод, отличный от преобладающего в немецкоязычных исследованиях тезиса об определяющем влиянии пропаганды на стратегии женской самореализации.

Ключевые слова: ГДР, женщины, гендерные исследования, история женщин, женская повседневность, история повседневности.

Проблема совмещения семейной реализации женщин с трудовой деятельностью в Германской Демократической Республике (1949–1990 гг.) актуальна в современном немецкоязычном научном пространстве. Юридическое равноправие женщин и мужчин в ГДР, являвшееся одним из маркеров социалистического образа жизни, привлекало внимание исследователей – в первую очередь социологов – ещё в период существования двух Германий¹.

Позднее, с объединением страны, различия в стратегиях, избираемых «восточными» и «западными» немками, составили отдельную ис-

¹ *Schubert F.* Die Frau in der DDR. Ideologie und konzeptionelle Ausgestaltung ihrer Stellung in Beruf und Familie. Opladen, 1980; *Hübner I., Schäfer H.* Frauen in der DDR. Frankfurt, 1986; *Koch P.* Familienpolitik in der DDR im Spannungsfeld zwischen Familie und Berufstätigkeit von Frauen. Pfaffenweiler, 1986; *Helwig G.* Frau und Familie. Bundesrepublik Deutschland und DDR. Köln, 1987.

следовательскую проблему², и сегодня не теряющую свою значимость. Положение женщин в ГДР рассматривается как с позиций успехов социализма сторонниками «остальгии», так и с противоположной точки зрения, фиксирующей колоссальный уровень стресса в связи с необходимостью сочетать множество ролей, в особенности новых функций трудящейся и общественницы.

Авторы, акцентирующие внимание на недостижимости пропагандируемого идеала женщины, приводят аргументы в пользу массового снижения рождаемости, разрушения института семьи в ГДР³. Однако значительная часть проводимых исследований, опиравшихся, безусловно, на широкий круг исторических источников, исключала пласт источников личного происхождения или применяла их в качестве иллюстраций к сформированным на основе статистических данных тезисам. Данная статья ставит своей целью дополнить существующие представления о факторах, воздействовавших на семейную реализацию женщин в ГДР, на основе анализа источников личного происхождения. В фокусе внимания – проблемы совмещения семьи и профессиональной деятельности, обозначенные респондентками проекта «Unerhörte Ostfrauen».

В основе проведенного исследования – анализ пережитых опытов женщин, отраженных в опубликованных воспоминаниях. Проект, представленный в 2019 г. редакторами-составителями Эллен Хэндлер и Утой Мичинг-Фиртель⁴ включает рассказы 37 женщин от 60 до 80 лет, работавших не менее 20 лет в ГДР и не менее 20 лет в объединённой Германии. Опрос предполагал свободное изложение респондентками вех своей биографии. Одна из сквозных тем в воспоминаниях – те возможности и препятствия, с которыми сталкивались женщины в своей повседневной жизни, стремясь сочетать семейную реализацию и профессиональную деятельность.

В контексте организации распорядка дня, ключевого аспекта повседневности, респондентки называли одной из существенных проблем степень обеспеченности товарами народного потребления, в частности, теми устройствами, которые могли облегчить повседневную работу женщин по дому. Отмечалось, что проблемой было не отсутствие средств, а невозможность приобретения некоторых технических приспособлений. «У нас уже была стиральная машина, когда появился первый ребенок. Остальной бытовой техники не было, в наше время это было не принято. Еще был утюг, но у меня никогда не было специальных горшков для кон-

² Hasen K. Frauenerwerbsarbeit. Forschungen zur Geschichte und Gegenwart. München, Mering, 1993; Hasen K. Geschlechterhierarchie und Arbeitsteilung. Zur Geschichte ungleicher Erwerbschancen von Männern und Frauen. Göttingen, 1993.

³ Kaminsky A. Frauen in der DDR. Berlin, 2016.

⁴ Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Lebensspuren in zwei Systemen. Ibidem-Verlag, Stuttgart, 2019.

сервирования или чего-то подобного»⁵, вспоминала Вальтрауд. И хотя статистические данные с 1955 по 1969 г. свидетельствуют о происходившем постепенном росте предметов бытовой техники (на 100 семей в ГДР количество холодильников увеличилось с 0,4 до 48 шт., в то время как в ФРГ до 84 шт., количество стиральных машин с 6 шт. в 1960 г. до 48 шт. в 1969 г., в то время как в ФРГ до 61 шт.)⁶, в большинстве воспоминаний это тенденция не находит отражения. Можно предположить, что постепенное приобретение техники не оставляло такого следа в памяти, как ее очевидное отсутствие в такие напряженные периоды жизни, как первые годы материнства. Одна из респонденток проекта вспоминала: «и сегодня я иногда удивляюсь, как нам все это удалось: ни стиральной машины, ни посудомоечной машины, пеленки еще нужно было кипятить»⁷. Рассказывая о рубеже 1960–1970-х гг., другая респондентка вспоминала: «кроме того, мы кипятили пеленки. Все они были продырявлены, потому что часто горели в цинковом ведре на плите. Всегда пахло пеной, и соседи внизу нередко ругали нас, когда содержимое ведра проливалось через край»⁸. Безусловно, ситуация также напрямую зависела от уровня дохода и того, жила молодая семья с родственниками или отдельно, как в случае с последней героиней, на том этапе своей жизни бывшей матерью-одиночкой и проживавшей с детьми в студенческом общежитии.

При этом крайне незначительная часть респонденток проекта отмечали данное положение как приносившее значительные сложности в повседневной жизни, что может объясняться как постепенным сглаживанием негативного опыта, так и тем, что в 1950–1960-е гг. проблема недостатка техники являлась общей, возможности сравнения с Западом были ниже, а в 1970–1980-е гг. ситуация несколько скорректировалась и в 1989 г. уже не вызвала шока при знакомстве с ассортиментом ФРГ.

Острее стоял вопрос личных автомобилей, владеть которыми в 1969 г. могли 47 семей из 100 в ФРГ и лишь 14 в ГДР⁹. В некоторой степени ситуацию компенсировал значительный объем производства мотоциклов и мопедов. Однако после 1970 г. ситуация постепенно выравнивалась, в том числе и в плане производства автомобилей, с появлением Трабби, «народного немецкого автомобиля», хотя в вопросе владения личным транспортом существенные сложности фиксировались до падения стены.

⁵ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 244.

⁶ Ausstattungsbestand der Haushalte in der Deutschen Demokratischen Republik (DDR) an ausgewählten langlebigen technischen Konsumgütern von 1955 bis 1989 // Statista [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/249261/umfrage/ausstattung-der-ddr-haushalte-mit-ausgewaehlten-technischen-konsumguetern/#professional>

⁷ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 122.

⁸ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 201.

⁹ Klessmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1988. S. 335.

Так, одна из респонденток отметила, что свой «Трабби» она и муж наконец получили в 1989 г. за 15 тыс. марок, и только потому, что он был уже никому не нужен¹⁰.

Жилищное строительство и предоставление квартир, как и возможность их обмена, признавалась респондентками значимой, особенно когда из-за удаленности жилья от работы и детских учреждений распорядок дня существенно усложнялся. Так, например, Аннели сообщала: «Когда нашему ребенку было девять недель, мы пошли в ясли. Вот как это было: мы с мужем по очереди [отводили его в ясли – Т.Д.]. Первые ясли находились в шести километрах от нас, а у нас не было машины. С первой лекции нас поочередно отпускали. И снова вечером шесть километров туда, шесть километров обратно»¹¹. Несколько эффективнее недостаток мест в близлежащих детских учреждениях решался в Берлине, однако, во-первых, переезд в столицу был сопряжён со многими сложностями, а во-вторых, заново ставил перед семьями проблему жилья. Так, в воспоминаниях Аннели первые годы после переезда приходилось жить в тех условиях, которые семья могла себе позволить: «Чуть позже рядом появились ясли, а зимой 1983 года – квартира. Это был приходской зал, фактически бывший дом для бедных на окраине. Три комнаты по 28 квадратных метров, туалет на один пролет вниз, ванная на дровах в пристройке, все отапливается печкой. Стены были из глины, так что в них можно было вдавливать ногти <...> Когда мы зимой должны были куда-то отправиться с сыном, то пристегивали коляску к санкам и волокли через поле»¹². Сложности, описанные в данной цитате, несмотря на «благоприятное» в плане жилищных условий десятилетие, как отмечалось в речах лидеров СЕПГ, были достаточно типичными. Для некоторых женщин удаленность от основных линий инфраструктуры могла стать поводом отказаться от трудовой деятельности и оставаться дома с ребенком, однако это зависело от финансовых возможностей семьи.

О недостатке жилья для молодых семей и нерешенности данной проблемы свидетельствует письмо, адресованное молодой парой Э. Хонеккеру: «У нас небольшая двухкомнатная квартира и очень маленькая кухня с косой крышей <...> Мой муж работает в лесном хозяйстве N., а я секретарем по усыновлению. Моя свекровь работает истопником в яслях N. После рабочего дня мы должны мыться в тазу, потому что с ванной и унитазом со смывом даже не знакомы. Также хотелось бы иметь возможность лежать в ванне, как другие. И не ходить больше *no* ночам в туалет

¹⁰ Ich war im Westen anders, ich ging trotz zwei Kindern arbeiten // *Händler E., Mütsching-Viertel U.* Op. cit. S. 230.

¹¹ Ebd. S. 224.

¹² Ebd. S. 224.

во дворе»¹³. Сложившаяся ситуация была связана с тем, что довоенный жилой фонд стремительно разрушался в начале 1970-х гг., дома, отремонтированные и построенные после войны, также ветшали, а программа жилищного строительства, начатая после вступления Э. Хонеккера в должность, не справлялась с общественным запросом.

Значительной сложностью также был вопрос обмена жилья. Эдельтрауд рассказывала: «Когда моей дочери исполнился год, мы переехали наверх в том же доме, в три комнаты с кухней, а женщина, которая жила наверху, переехала в нашу квартиру. В эпоху ГДР всегда было сложно найти жилье. Мы обменялись частным образом»¹⁴. Истории подобного обмена нередко встречаются в источниках, наряду с вариациями фразы «вы знали кого-то, кто знал кого-то», обозначающей попытки получения тех или иных благ в условиях дефицита через знакомых.

Ведение домашнего хозяйства и организация повседневного быта в воспоминаниях напрямую зависели от разделения обязанностей, принятого в семье. В большинстве своем респондентки проекта отмечали, что оно действительно существовало и помощь со стороны супруга оказывалась, в особенности в случае получения женщиной дополнительного образования. Так, Дерте вспоминала: «Во время учебы меня поддерживал муж. Он дал мне время, когда мне нужно было что-то делать во время учебы. Особенно в выходные. Потом он тоже что-то делал по хозяйству. Тем не менее, мне еще многое оставалось. Я рассматриваю это как разделение труда. Муж работал не меньше»¹⁵. Вопрос поддержки в случае получения образования является частым сюжетом, так как постоянное повышение квалификации требовалось не только для карьерного роста, но и нередко было обязательным условием сохранения должностей. Также позитивный опыт разделения домашних обязанностей представлен в воспоминаниях Эдельтраут: «Мой муж зарабатывал больше, чем я. Мой муж был находкой. Поскольку он рано ушел из родительского дома и всегда должен был заботиться о себе, он был очень домашним <...> он помогал по дому, но предпочитал готовить. Пока он присматривал за детьми, забирал их, выходил на прогулку, я делала работу по дому, или мы все делали вместе и куда-то вместе ходили <...> У меня был счастливый брак»¹⁶. Похожий пример взаимоотношений и договоренностей в семье зафиксирован в воспоминаниях Хельги Х.: «Для моего мужа мой и его научный прогресс были не менее важны, чем для меня. Он никогда не хо-

¹³ Цитата приведена в исследовании *Heydemann G. Gesellschaft und Alltag in der DDR // Bundeszentrale für politische Bildung [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bpb.de/izpb/9766/gesellschaft-und-alltag-in-der-ddr> (Datum der Behandlung: 22.06.2019).*

¹⁴ *Händler E., Mitsching-Viertel U.* Op. cit. S. 63.

¹⁵ Ebd. S. 25.

¹⁶ Ebd. S. 65.

тел, чтобы я отступала, мы делили всю предстоящую работу. Он поддерживал меня в моей научной и политической деятельности. И конечно дома»¹⁷. Очевидно, что приведенная в цитате благоприятная семейная обстановка не была повсеместной, и в данном случае это также зависело от того, что муж Хельги был ее коллегой и единомышленником, и оба они начинали свой научный профессиональный рост совместно со времен студенчества.

Безусловно, в зависимости от взаимоотношений в семье и степени занятости супругов, соотношение и характер домашних обязанностей, взятых на себя женщиной, был вариативным. Так, одна из респонденток, называя разделение труда в ее семье довольно типичным, отмечала, что муж всегда был ее опорой и делил с ней ответственность за организацию быта: «Мы хорошо организовали наши семейные планы. Возможно, в этом суть эмансипации. Не только женщина, но и мужчина должны этого хотеть, что для него часто ассоциируется с отсутствием комфорта»¹⁸. В рассказе Гунди, жившей в сельской местности, также фиксируется пример разделения обязанностей при уходе за детьми: «Наше разделение труда с мужем дома было более классическим, он много работал на улице, а я внутри. Мы разделили уход за детьми. Он часто водил дочь в ясли и снова забирал. Для этого он построил в трактор детское кресло»¹⁹. Позитивный опыт респонденток фиксирует паритетное участие жены и мужа в воспитании детей, однако наиболее частой помощью мужа респондентки, такие как Гунди и Аннелис, называли сопровождение ребенка из сада, школы, спортивной школы до дома и наоборот. О совместных с отцом играх, купании, кормлении не упоминалось.

Исходя из формулировок в воспоминаниях респонденток проекта, проблема разделения домашних обязанностей являлась маркером критики образа жизни в ГДР, где, по устоявшейся в общественном дискурсе точке зрения, трудящаяся женщина не получала никакой помощи от мужа в своей «второй смене». Возможно предположить, что это объяснялось стереотипным образом женщин ГДР в первые годы после объединения, связанным с их независимостью и одновременно тотальной загруженностью, лишавшей их свободного времени.

Представляется значимым рассмотреть воспоминания Зиглинде, где в разделении домашних обязанностей также участвовали дети: «Но все трое помогли с самого начала. О том, кто убирает со стола, кто моет посуду, вообще не было разговоров. У нас было семейное разделение труда. В „записке матери“ говорилось, кто прибирался, выносил мусор, покупал молоко и хлеб. У нас тогда не было телефона. Все знали свои обязанности, и вечером, когда я приходила домой в 17:30, стол был накрыт. Потом

¹⁷ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 131.

¹⁸ Ebd. S. 144.

¹⁹ Ebd. S. 164.

мы сидели от часа до полутора за ужином, оценивали весь день и многое обсуждали <...> Только в субботу, когда они вернулись из школы, им не нужно было ничего делать, у них был выходной. Настала моя очередь работать по хозяйству. Они работали на меня в течение недели, а я работала на них по выходным»²⁰. Активная помощь детей в ведении домашнего хозяйства пропагандировалась в женских журналах, в особенности по отношению к сыновьям, т.к. через изменение детского образа жизни планировалась, по мнению А. Камински, скорректировать поведение мужчин к взрослому возрасту и «подтолкнуть» их к уважению к работе по поддержанию домашнего быта.

В воспоминаниях респонденток также фиксируется менее позитивный опыт организации разделения труда в семье. Так, например, Вальтрауд отмечала, что, несмотря на помощь мужа, вся ответственность за ведение домашнего хозяйства лежала полностью на ней: «Мой муж очень мне помогал, когда я говорила: „Пожалуйста, пропылесось“, „Принеси стирку“ или „Сделай это“. Он все это делал, но я должна была говорить ему»²¹. Примером несогласованности в вопросе разделения обязанностей по дому также выступает история Моники: «Муж сказал: эмансипация - да, но женщина должна вести хозяйство и детей одна. Несмотря на двойное бремя семьи, образования и работы, у меня никогда не было ощущения, что детьми пренебрегают. Они были в надежных руках в яслях или детском саду. В отношениях, однако, я просто больше не была независимой личностью, мой муж не имел ничего общего с эмансипацией, он всегда меня ругал и хотел меня подавить»²². Отношения героини завершились разводом, ключевой причиной которого стало пренебрежение со стороны мужа тем образом жизни, который избрала женщина.

В современных немецкоязычных исследованиях, в частности, в работе А. Камински, проблема помощи по хозяйству со стороны мужчин оценивается однозначно как фактически отсутствовавшая. Основанием для такого рассмотрения является, в том числе, не выдерживающий критики «журнальный» образ мужчины, помогавшего по дому – в костюме и фартуке, он готовит праздничный обед к Международному женскому дню. Государство, по мнению А. Камински, на идеологическом уровне и под влиянием Демократического союза женщин Германии стремилось изменить в сознании мужчин установку о распределении домашних обязанностей. Принимая во внимание возможную тенденциозность такого источника, как проект «Unerhörte Ostfrauen», тем не менее на основе приведенных воспоминаний возможно предположить, что реальный объем помощи мужчин во многом зависел от характера отношений в семье, договоренностей между супругами, количества детей, наличия помощи

²⁰ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 208.

²¹ Ebd. S. 244.

²² Ebd. S. 204.

старших родственников и т.д. Безусловно, существенную роль играли личные установки мужчины, что могло приводить как к компромиссным, так и к конфликтным взаимоотношениям.

Одной из проблем в рамках бытовой стороны семейных отношений являлся вопрос разделения денежных средств в семье. В источниках он, в основном, отдельно не проговаривался, упоминался совместный бюджет и совместные покупки. Однако в воспоминаниях Ренаты Х. приводился пример такого опыта: «Мы объединяли счета с первым мужем, но не со вторым. Мой второй муж был в разводе пять лет и имел собственную квартиру и банковский счет. Когда мы поженились, все остались со своим счетом. Мой счет, ваш счет. Другие никогда не понимали, но я всегда говорила, что это лучшее, что вы можете сделать. Мой второй муж думал так же, как и я. Мы были на одной линии»²³. Очевидно, существовали возможности и для раздельного ведения семейного бюджета, и решение основывалось, в первую очередь, на личном отношении.

Проанализированные выше условия, наряду с обстоятельствами карьерного пути каждой из опрошенных женщин, во многом влияли и на стратегии их материнства. Восприятие рождение и воспитания детей как традиционно женской сферы реализации, как уникального и ключевого персонального опыта, представлявшего высокую значимость, было видоизменено в связи с расширением доступных для женщин возможностей на законодательном и фактическом уровне, однако едва ли правомерно обобщать частные опыты, основываясь на статистическом снижении рождаемости и данных о количестве детей, содержащихся в яслях, детских садах и приютах. Более значимым в данной связи представляется вопрос о мотивах, по которым значительная часть женщин предпочитали ту или иную траекторию в совмещении материнства и профессиональной занятости или отказа от одной или нескольких сфер.

Исследователи фиксируют, что средний возраст рождения первого ребенка в ГДР был существенно ниже, чем в ФРГ. Данный факт подтверждается воспоминаниями респонденток: «Забеременеть не было шокком, но мне было уже 27. В ГДР [в этом возрасте – Т.Д.] рожать почти поздно, даже если сегодня это звучит странно»²⁴, отмечала Дагмар. Та же тенденция обозначена в воспоминаниях Инес: «В принципе, рожать детей в ГДР было принято от 20 до 25 лет. К 30 годам женщины из ГДР уже снова усердно работали. У западных женщин все начинается только с 30 лет»²⁵. При этом возраст 18-19 лет при рождении ребенка также считался не вполне приемлемым, т.к. девушки проходили обучение и вынуждены были совмещать его с материнством, что могло вызывать критику руководства предприятий.

²³ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 255.

²⁴ Ebd. S. 73.

²⁵ Ebd. S. 15.

По воспоминаниям женщин, решение о рождении детей они принимали, в основном, самостоятельно. Так, Хельга Х. отмечала, что всегда хотела иметь большую семью и родила троих детей осознанно, при поддержке этого решения мужем²⁶. Данные статистики также подтверждают тот факт, что вопреки государственной поддержке и пропаганде многодетного материнства, коэффициент фертильности женщин не превышал показатель 2,54 (1964 г.), а к моменту объединения страны составлял 1,56 (1989 г.)²⁷. Среди респонденток проекта, состоявших в отношениях с мужчинами, не было бездетных, однако три ребенка также были редкостью среди опрошенных.

О взаимовлиянии работы и материнства в более критическом ключе вспоминала Урсула, врач-гинеколог, отмечавшая, что основной причиной массового трудоустройства женщин в условиях всесторонней загруженности было стремление к финансовой независимости от мужчин, «они не хотели просить у мужчин каждую копейку, как это часто бывает на Западе». Ряд женщин хотел бы сократить рабочую нагрузку, выбрав посменную работу или частичную занятость, однако не все профессии позволяли это. Такие обстоятельства приводили, по мнению респондентки, к множественным проблемам в физическом и моральном здоровье женщин: «В конце ГДР я заметила снижение желания иметь детей <...> На практике было обнаружено, что многие женщины были подавлены социальным, а также семейным положением, особенно многодетные. В это время мы лечили заболевания органов брюшной полости чаще, чем когда-либо. Аднекситы, или воспаления яичников, были особенно распространены в этот период <...> Мы знаем, что психика играет очень большую роль во многих заболеваниях, и, вероятно, до и непосредственно перед падением Стены было показательно, насколько напряжены женщины. Конечно, также существовали опасения увольнений и того, что станет с детьми. После падения Стены все утихло»²⁸. Подобное состояние могло быть также вызвано острой необходимостью в определенном уровне заработка, в особенности в случае, если заработная плата матери была единственным доходом в семье. Это также представляется значимым для оценки определяющих факторов при совмещении материнства и трудовой деятельности, в особенности для матерей-одиночек. Учреждения государственного ухода за детьми, безусловно, расширяли возможности женщины при трудоустройстве, однако не могли быть единствен-

²⁶ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 131.

²⁷ Fertilitätsrate von Frauen in Deutschland in den Jahren 1834 bis 2010 // Statista [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1139371/umfrage/fertilitaetsrate-von-frauen-in-deutschland/> (Datum der Behandlung: 22.06.2019)

²⁸ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 236.

ным возможным решением, в особенности в случае удаленности дома и работы матери от детского сада.

Сложности, связанные с необходимостью воспитывать ребенка без отца, несколько компенсировались системой учреждений государственного ухода за детьми, а также взаимной поддержкой матерей. Так, по словам Ингрид, после поступления ее мужа в университет в другом городе, она фактически стала матерью-одиночкой, а материнство и общественную деятельность в FDJ удавалось сочетать благодаря помощи друзей: «Все знали, что ключ находится под половиком и присматривали за дочерью»²⁹. Также Ингрид высказала мнение о восприятии соотношения материнства и трудовой деятельности, в некоторой степени характерное для многих респонденток: «Если бы что-то случилось с моими детьми, я бы всегда выбрала детей вопреки своей профессиональной ответственности»³⁰. Зиглинде, в свою очередь, отмечала, что место в детском саду получить было не просто, в особенности поблизости от дома, и она бы не справилась с воспитанием детей одна, если бы не поддержка ее матери³¹. Несмотря на мнение о том, что помощь старших родственниц-женщин не была распространена, воспоминания свидетельствуют о другом. С большой нежностью о бабушках вспоминают те респондентки, чье детство пришло на послевоенные годы.

Респондентки сообщали, что такая мера поддержки, как годичный отпуск по уходу за ребенком для матерей-одиночек была введена только в 1985 г., а в предшествующий период было всего 20 недель, после чего ребенок при отсутствии других возможностей ухода за ним помещался в ясли, причем, как отмечает Хайке, проблематичность этого никого не интересовала.

Исходя из акцентируемых и замалчиваемых тем, а также эмоционального наполнения воспоминаний, можно предположить, что успешное сочетание материнства, получения образования и трудовой деятельности требовало значительных эмоциональных, временных и финансовых затрат. Ряд опрошенных отмечал, что следование выбранной траектории сопровождалось необходимостью самоограничений: «Пока другие ученики после семинаров пили пиво в пабе, я забирала детей из яслей и детского сада. Нас было всего три студентки из 25 человек на курсе по строительству зданий, и одна всегда делала конспекты, когда меня отпускали. Я писала свои задания по ночам»³². Приведенный опыт являлся достаточно типичным и согласуется со статистическими данными, свидетельствующими о раннем возрасте первой беременности в ГДР. В зависимости от амбиций и степени профессиональной вовлеченности респон-

²⁹ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 139.

³⁰ Ebd. S. 141.

³¹ Ebd. S. 208.

³² Ebd. S. 201.

дентки по-разному оценивали данный период своей жизни: «Моя дочь родилась на последнем курсе колледжа. Я писала домашнее задание с младенцем, вот и все <...> Выходила из дома в 6 утра, детский сад, школа, магазины, дела по дому, день был полон. Мои дети никогда - даже позже - не упрекали меня за детский сад или мою работу»³³. Приведенные воспоминания также косвенно свидетельствуют о проходящем через многие воспоминания стремлении доказать личную состоятельность женщины как матери.

Кроме того, подобный тон воспоминаний, свидетельствующих о приложенных значительных усилиях со стороны женщин, и по прошествии времени оцениваемых как соответствующих норме для указанного периода, встречается во многих свидетельствах: «Я не могу никому объяснить, как мне удалось собрать все это под одной крышей: трое детей, работа, школа, учеба, колледж <...> Но мой сын как-то сказал: „Мама, ты все-таки замужем за компанией“». Мы старались обедать вместе хотя бы трижды в неделю. И было обсуждение, все было согласовано, даже когда у нас были проблемы. Старший, конечно, очень помог, что я очень ценила»³⁴. Интересной особенностью фиксации таких воспоминаний, в частности, как указанный опыт Аннелис, представляется формула «несмотря на отсутствие одной возможности, были другие варианты», считаваемая как лавирование в сложных обстоятельствах.

Многие респондентки отмечали, что необходимость посещать детьми детские сады не вызывала у них отторжения, однако матери регулярно жалели, что не нашли возможности продлить свой декретный отпуск. Так Дагмар по прошествии времени с сожалением вспоминает об обстоятельствах воспитания дочери в условиях полной занятости: «В то время я работала больше обычной смены, так что я могла привезти ее туда [в детский сад – Т.Д.] пораньше и забрать в последнюю минуту вечером. День за рулем был долгим, но я не считала себя плохой матерью. Только когда я приходила поздно, а она была последней в кроватке, мне становилось очень печально <...> и я чувствовала укоризненные взгляды воспитателей. Моя дочь никогда не обвиняла меня в этом, но она все еще боится темноты, и я должна признать, что иногда я ехала на работу в ресторан сразу после того, как вечером укладывала ее спать. Немыслимо представить это сегодня <...> Однажды она вылезла из постели и заснула перед ней»³⁵. Приведенные воспоминания в наибольшей степени показательны для иллюстрации проблемы вины и комплекса «плохой матери», рефреном проходящего через многие свидетельства.

Раннее возвращение из декретного отпуска также оценивалось респондентками, в случае их заинтересованности в профессиональном росте,

³³ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 154.

³⁴ Ebd. S. 105.

³⁵ Ebd. S. 74.

как типичное в рамках норм указанного периода, причем мало варьировалось в зависимости от десятилетия. Существенную роль играла помощь старших родственников, друзей и коллег. Так, Урсула, врач-гинеколог, и ее муж, также врач, оба профессионально ориентированные, организовали уход за ребенком следующим образом: «После родов я шесть недель была дома с ребенком. Потом пошла в поликлинику, а наш сын в ясли. В то время мой муж работал в Потсдаме. Это означало передачу ребенка на лету, но, если муж не успевал приходить домой вовремя, мне приходилось идти из поликлиники в детский сад, забирать ребенка и передавать ему в клинике. Всегда находились коллеги, которые меня поддерживали. В Берлине у меня не было никого из моей семьи, кто мог бы помочь»³⁶. Также к помощи со стороны была вынуждена прибегать Марианна, строившая карьеру в качестве управляющего рестораном и воспитывавшая ребенка одна: «Сосед иногда забирал ребенка, потому что я теперь работала посменно в ресторанном бизнесе, в субботу, воскресенье и праздничные дни. Я часто не знала, что мне делать с сыном. Моя мама также не могла помогать мне всегда»³⁷. Безусловно, многие женщины стремились к тому, чтобы проводить с детьми больше времени после рождения, в особенности, если существовали условия для этого. Так, одна из опрошенных сообщала, что, желая заботиться о своей дочери, она отказалась от подготовки докторской диссертации, и была вынуждена устроиться на неполный рабочий день, так как ее супруг продолжал образование и семья нуждалась в дополнительном источнике заработка³⁸.

В ряде случаев нахождение матери в длительном декретном отпуске могло быть связано с решением супруга. Так, в частности, Ингрид Г. отмечала: «Я бы с удовольствием вернулась к работе. Были ясли и детские сады, но муж хотел подарить ребенку незабываемое детство, что он и сделал с моей помощью дома. Я был дома с 1966 по 1972 год»³⁹. Таким образом, варианты стратегий женщин в отношении сочетания материнства и работы зависели от значительного количества факторов. Ни в одном из проанализированных источников не встречалось упоминаний о критике женщин, выбравших роль домохозяйки и воспитания детей. Кроме того, большая часть респонденток подчеркивали, что именно профессиональная занятость и личный доход позволяли им справиться с последствиями развода, даже оставаясь матерями-одиночками.

Однако важно отметить, что несмотря на различно оцениваемый женщинами опыт совмещения работы и материнства, значительная часть респонденток ключевым условием выбора стратегии совмещения работы

³⁶ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 234.

³⁷ Ebd. S. 42.

³⁸ Ebd. S. 49.

³⁹ Ebd. S. 170.

и семьи указывают наличие системы государственных учреждений по уходу за детьми. Так, Моника сообщала, что в яслях и в детском саду дети находились в надежных руках и не возникало ощущения, что ими пренебрегают⁴⁰. Кристина также оценивала возможности по уходу за детьми в ГДР высоко, причем, по ее словам, открытый недавно, т.е. около 2017-2018 г., детский сад неподалеку от ее дома «выглядит так же, как и тот, что посещали мои дети тридцать лет назад. Западу еще предстоит наверстать упущенное»⁴¹. Возможно предположить, что распределение мест в детском саду зависело от таких факторов, как место проживания, профессиональный статус, количество детей, взаимодействие с профсоюзными организациями на предприятии и их активность и др. Кроме того, ситуация зависела от типа предприятия и его экономической эффективности в государстве. Так, Криста Б., сотрудница крупного промышленного предприятия, отмечала: «У нас были служебные детские сады, детские оздоровительные лагеря, о которых всегда заботились. Да, это действительно были достижения»⁴². Кроме того, очевидно возможность сохранения работы зависела от характера личных договоренностей с руководством. Так, по словам Ханне, из-за болезни ребенка ей как ценному сотруднику, предоставили годичный отпуск без сохранения заработной платы, но с сохранением за ней должности⁴³.

Таким образом, на основе проанализированных источников можно сделать вывод, что, находясь под определяющим влиянием процесса вовлечения женщин в трудовую деятельность, их самореализация в браке и материнстве, тем не менее, в большей степени зависела от личных амбиций и не может быть рассмотрена исключительно как сформированная под влиянием государственной пропаганды. Рассмотренные источники также в отношении проблемы разделения обязанностей в семье позволяют предположить, что распространенный тезис о полной невовлеченности мужчин в домашнюю сферу противоречит воспоминаниям самих женщин. Характер транслируемых воспоминаний, с учетом прошедшего после описываемых событий времени, позволяет предположить, что проживая повседневную жизнь, в основном, в условиях высокой загруженности и минимального объема свободного времени, ряд женщин склонен воспринимать подобный образ жизни как находившийся в пределах нормы в период ГДР и не исключающий определенной выгоды для самих женщин, способных обеспечивать свою финансовую независимость, воспитание и образование детей с опорой на систему органов государственного ухода за детьми.

⁴⁰ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 204.

⁴¹ Ebd. S. 53.

⁴² Ebd. S. 124.

⁴³ Ebd. S. 156.

Список литературы:

1. Hausen K. Frauenerwerbsarbeit. Forschungen zur Geschichte und Gegenwart. München, Mering: Hampp, 1993. 216 S.
2. Hausen K. Geschlechterhierarchie und Arbeitsteilung. Zur Geschichte ungleicher Erwerbschancen von Männern und Frauen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. 239 S.
3. Helwig G. Frau und Familie. Bundesrepublik Deutschland und DDR. Köln: Wissenschaft und Politik, 1987. 160 S.
4. Heydemann G. Gesellschaft und Alltag in der DDR // Bundeszentrale für politische Bildung [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bpb.de/izpb/9766/gesellschaft-und-alltag-in-der-ddr> (Datum der Behandlung: 22.06.2021).
5. Hübner I., Schäfer H. Frauen in der DDR. Frankfurt a. M.: Nachrichten-Verlags-Gesellschaft, 1986. 100 S.
6. Kaminsky A. Frauen in der DDR. Links Verlag, Berlin, 2016. 320 S.
7. Klessmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1988. 648 S.
8. Schubert F. Die Frau in der DDR. Ideologie und konzeptionelle Ausgestaltung ihrer Stellung in Beruf und Familie. Opladen: Leske + Budrich, 1980. 259 S.

Об авторе:

ТЮРЕНКОВА Дарья Олеговна – к.и.н., старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31), e-mail: d.tyurenkova@yandex.ru

OPPORTUNITIES AND OBSTACLES TO FAMILY SELF-REALIZATION IN THE MEMORIES OF WOMEN IN THE GDR

D.O. Tyurenkova

Tver State University, Tver, Russia

In the article, the author explored the most important aspect of women's everyday life in the German Democratic Republic - the strategies of women's self-realization in marriage and motherhood in the context of women's involvement in labor activity. The study is based on the analysis of sources of personal origin, published memoirs of women. Factors that influenced the organization of the daily routine of women, their choice of full / part-time employment, the end of parental leave, etc. were identified. The article reveals attempts to evaluate oneself as a «good» / «bad» mother, which are reproduced in memories, indicating

both a response to common stereotypes and a guilt complex. A conclusion is proposed that differs from the thesis prevailing in German-language studies about the determining influence of propaganda on the strategies of women's self-realization.

Keywords: *GDR, women, gender studies, women's history, women's everyday life, Alltagsgeschichte.*

About the author:

TYURENKOVA Daria Olegovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, the Department of General History, Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: d.tyurenkova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2021 г.